

SATURNIA TELLUS ВЕРГИЛИЯ

(К вопросу о формировании идеологии эпохи Августа)

Творчество Вергилия, стоявшего очень близко к Октавиану, тесно связано с политическими идеями последнего. Исходя из этого, исследователи творчества Вергилия часто стараются подчинить его идеологические концепции политическому курсу Октавиана. Однако такая узкая постановка вопроса не способствует правильному освещению ни творчества Вергилия, ни времени Августа. Дело в том, что идейное содержание творчества Вергилия опиралось на более общие настроения различных слоев населения Италии, с которыми вынужден был считаться и сам принцепс, если он хотел найти более широкую поддержку¹. Правда, известно, что «Энеида» лучше, чем другие произведения того времени характеризует эпоху Августа. Однако она была воспринята читателями не столько как произведение, прославляющее Августа, сколько

¹¹ Принимаем удачную конъектуру Эрманна вместо рукописного Cassius (L. Heermann, Cassius ou Caesius?, REA, (1933), стр. 24 сл.).

¹² T. Frank, Catullus and Horace, N.-Y., 1928, стр. 171 сл.

¹ В этом отношении не лишено основания мнение тех ученых, которые полагают, что Вергилий сам через Мецената влиял на Августа. См. W. F. Jackson Knight, Roman Vergil, L., 1945, стр. 56.

как национальная поэма, отражающая общеримские настроения². Именно поэтому она стала первой и основной книгой каждого римлянина, сопровождавшей его со школьной скамьи.

В начале своего творческого пути, будучи непосредственно связан с александрийским течением в римской литературе, Вергилий не выходил за рамки личных переживаний. Однако в последних по времени эклогах его личные переживания становятся выражением настроений многих его соотечественников и прежде всего мелких крестьян, с которыми Вергилий был непосредственно связан. Поэт насвоей собственной судьбе испытал всю глубину горя, причиненного этому классу гражданской войной и последовавшим затем экономическим разорением. Известно, что после битвы при Филиппах ветеранам армий триумвиров были розданы земли крестьян в Северной Италии. Население транспаданской Галлии, в том числе и семья Вергилия, было выселено, чтобы освободить земли для ветеранов. Неудивительно, что Вергилию были близки мечты крестьян, которые, как и у каждого уходящего со сцены класса, были обращены назад, к прошлому. Под влиянием этих настроений начинают складываться у Вергилия собственные идеалы и мечты относительно судеб Италии.

С другой стороны, поскольку Вергилий во время своей учебы имел возможность познакомиться и с аристократическими слоями Рима, ему, безусловно, должны были стать известны и их республиканские настроения. Исходя из своей крестьянской психологии, он желал для Италии прежде всего внутреннего мира и поэтому не поддерживал этих стремлений аристократии, поскольку они вели к усилению гражданской войны в стране. Однако в той части, в какой мечты аристократии были направлены в прошлое, они перекликались с собственными крестьянскими убеждениями Вергилия. Это обстоятельство позволяет установить известную связь между идеалами Вергилия и содержанием политической борьбы римской республики в период ее кризиса. Будучи уроженцем Цизальпийской Галлии, получившей римское гражданство очень поздно, Вергилий понимал историю собственно Рима как отпоящуюся ко всей Италии, в чем сказались тенденции муниципальной аристократии вообще.

На этой основе складывалась тема Италии в творчестве Вергилия, заключающаяся прежде всего в прославлении былого величия родной страны. Первый раз эта тема прозвучала со всей художественной силой в знаменитой IV буколке, написанной по случаю заключения мира в Брундизиуме между Октавианом и Антонием в 40 г. до н. э. Правда, здесь большая волнующая идея еще не свободна от мелкого, сугубо личного. Весь пафос любви к родине подчинен низкопоклонству перед великими личностями, заточен в клетку семейного похвального гимна³. Но тем не менее в этой эклоге мы находим описание той Италии, о которой мечтает Вергилий. В этой Италии процветает сельская жизнь (ст. 27—30). Войны, если они изредка имеют место, ведутся только против внешних врагов во славу родины (35—36). Высший покой предполагает даже отмирание международной торговли (38—39), злейшего врага мелкого хозяйства, и облегчение труда земледельцев (41—42). Все эти идеальные черты, перенесенные поэтической фантазией в сказку, представляют собой не что иное, как мечты мелкого крестьянина о примитивном, но счастливом, по его мнению, прошлом. Обращение Вергилия к людям, стоящим в то время во главе Римского государства, в частности к консулу года Поллиону⁴, локализирует эти мечты в Италии и даже придает им звучание своеобразной программы пожеланий, внесенной поэтом от имени изнуренных гражданской войной масс.

² *Serv.*, *Ad Aen.*, VI, 752.

³ Толкование этой эклоги дало целый ряд различных теорий, которые до сих пор находят себе сторонников. Некоторые ученые объясняют ее аллегорически, не связывая ни с какими историческими лицами, другие переносят объяснение в область религии, античной или даже христианской, третьи видят в ней ответ на пророчества Сивиллы, и, наконец, четвертые находят в ней описание конкретно-исторических событий. Нам кажется, что текст буколки не дает оснований для слишком отвлеченных аллегорий. Хотя эта буколка связана с пророчествами Сивиллы, ибо они упомянуты в тексте, однако в ней говорится, несомненно, и о человеческой семье, в которой должен родиться ребенок. Весь вопрос заключается только в том, какую семью Вергилий имеет в виду. Мы поддерживаем мнение тех, кто считает, что в этой эклоге говорится о семье Октавиана. Такой вывод мы делаем, ссылаясь на I эклогу, написанную немного раньше IV, но в общем с ней довольно тесно связанную. Поскольку она стоит в начале сборника и ею Вергилий символизирует все свое творчество «Буколик» (ср. *Georg.*, IV, 566), ее следует считать программной. А в I эклоге Октавиан представлен уже в виде бога (42 сл.). В IV эклоге это обожествление распространяется на его потомство. То, что у Октавиана родился не сын, а дочь, не является аргументом для отрицания связи этой буколки с Октавианом, так как судьба обманула не столько Вергилия, сколько самого Октавиана, в результате чего он даже развелся со своей женой Скрибонией.

⁴ Вергилий обыгрывает созвучие *Polio* и *Apollo*, видимо, желая подчеркнуть, что его покровитель, как Аполлон, совмещает лиру и лук.

Напоминание о возвращении Сатурнова царства и богини Правосудия (ст. 6), по нашему мнению, символизирует прежде всего установление мира в Брундизиуме. К такому утверждению приводит дальнейшее развитие темы Италии в творчестве Вергилия, в частности в «Георгиках», где легенда о царствовании Сатурна занимает, как увидим, центральное место при описании Италии, а в характеристике царствования Сатурна мир и правосудие занимают главное место. Но если Вергилий говорит в этой эклоге о возвращении доисторического Сатурнова царства, то это значит, что здесь нашли отражение прежде всего чаяния крестьян о возвращении доброго прошлого, так как аристократия мечтала больше о возвращении в Италию времени Пунических войн или периода республики вообще.

Таким образом, Италия, представленная в IV эклоге Вергилия, это в основном страна крестьянских надежд, которыми в то время еще очень дорожил поэт. В дальнейшем идеи, изложенные здесь, получили широкое развитие в творчестве Вергилия, но поэт не стал певцом угнетенных крестьян. Его увела в сторону именно легенда о золотом веке Сатурна, которая впоследствии стала основным философским оправданием установления единовластия в Риме.

Известно, что греческий миф о царствовании Сатурна был перенесен в Рим во время Пунических войн⁵. Эний, вероятно, был первым, кто дал этому мифу эвгемеристическое объяснение. Уже тогда его толкователи различными аргументами⁶ доказывали, что Сатурн, как человек, царствовал в Италии, в Лации. Все это дало широкое распространение этой легенде в римской историографии⁷. Поэтому неудивительно, что этот миф наряду с Сивиллиными пророчествами о повторении вековых циклов был использован Вергилием в IV эклоге для выражения тех настроений, которые в то время его волновали. Что касается самого мифа, то каких-нибудь оригинальных его разработок мы здесь не находим.

Работая над «Георгиками», Вергилий вернулся к этой легенде уже как к философской проблеме, хотя самому мифу здесь посвящено лишь несколько строчек⁸. Философский интерес к мифу возник у поэта в связи с его восхвалением Италии и ее деревенской жизни. Вергилий, как мы уже отмечали это выше, был очевидцем обостренной классовой борьбы в деревне, видел печальные последствия гражданских войн, но тем большую привязанность он чувствовал к своей стране⁹, гордился ее величественным прошлым. Поэтому он не стал воспевать современную ему жизнь, а создал поэтическую абстракцию. В эту абстракцию вошла легенда о царствовании Сатурна в Италии, подкрепленная учением Лукреция о развитии человеческого общества; эпикурейское учение об атараксии; собственные мечты поэта о благополучии деревни и всей сельской Италии; мечты и надежды его современников. Это особенно наглядно в дигрессиях второй книги «Георгик», которые почти все посвящены этому вопросу¹⁰.

В дигрессии, называемой *laudes Italiae* (II, 136—176), Вергилий поставил перед собой задачу показать, что Италия — лучшая из лучших страна. Исходным пунктом для Вергилия здесь был Варрон, который в трактате «О сельском хозяйстве» пытался научно аргументировать преимущества Италии в области сельского хозяйства перед другими странами¹¹. На основе учения Эратосфена Варрон показывает, что самое местоположение Италии, ее благоприятный климат способствуют высокому плодородию почв страны. Далее, в ряде риторических вопросов Варрон противопоставляет богатства Италии богатствам других стран¹². Именно с этого и начинается Вергилий свою дигрессию. Однако если Варрон обращает внимание только на те стороны, которые связаны непосредственно с сельским хозяйством, то Вергилий не ограничивается этим и дает обобщение, относящееся ко всей Италии в целом:

Sed neque Medorum silvae ditissima terra
nec pulcher Ganges atque auro turbidus Hermus

⁵ E. M a n n i, La leggenda dell'età dell'oro nella politica del cesari, «Atene e Roma», 1938, стр. 108; о н же, A proposito del culto di Saturno, «Atheneum», 1938, стр. 232.

⁶ Одним из этих аргументов служило самое название *Latium*, которое тогдашними этимологами связывалось с *latuit* (sc. terra, ubi Saturnus latuit). Эта этимология встречается и в «Энеиде» (VIII, 322—323).

⁷ См. отражение в «Энеиде», VII, 45—49; VIII, 319—332.

⁸ V e r g i l., Georg., II, 536—540; ср. I, 125—132.

⁹ Гораций, наоборот, в минуты отчаяния призывал бежать из этой страны (Erod., 16; 17—22); см. «История Римской литературы» под ред. Н. Ф. Д е р а т а н и, М., 1954, стр. 254.

¹⁰ M a n n i, ук. соч., стр. 112. Наличие влияния Лукреция в «Георгиках» Вергилия не вызывает сейчас у исследователей никаких сомнений. Недостаточно только выяснен характер этого влияния. Ср. E. P a r a t o r e, Spunti Lucreziani nelle «Georgiche», «Atene e Roma», 1939, стр. 177.

¹¹ V a r r o, De re rustica, I, 2, 3 сл.

¹² V a r r o, De re rustica, I, 6—7.

laudibus Italiae certent, non Bactra neque Indi
totaque turiferis Panchaia pinguis arenis

II, 136—139

Это обобщение не только расширяет задачу поэта, но и значительно осложняет ее, так как Италия, собственно, ничем особенным не отличается:

Haec loca non tauri spirantes naribus ignes
invertere satis immanis dentibus hydri,
nec galeis densisque virum seges horruit hastis

II, 140—142

Но вместо того чтобы отмечать что-нибудь необыкновенное в противовес перечисленным чудесам других стран, Вергилий подчеркивает совсем обычное для Италии, а именно: ее наполнили плоды и вино (*gravidae fruges et Bacchi Massicus umor implevere*). Стало быть, это первая и очень важная черта, хотя сразу мы ее и не замечаем. Далее мы видим ее оливы, прекрасные стада, коней и волов (II, 144—148). Наречие *hinc*¹³, повторенное два раза, подчеркивает происхождение этих стад именно из Италии. По-видимому, в выражении *gravidae fruges... implevere* возможно видеть не только свидетельство обилия фруктов и вина в Италии во времена Вергилия. Глагол, поставленный в перфекте, дает возможность говорить о действии, имевшем место в прошлом, т. е. плоды и вино уже давно наполнили Италию. Содержание слова *implevere* могут пояснить строки Лукреция, относящиеся к происхождению *sationis et insitionis*:

Inque dies magis in montem succedere silvas
cogebant infraque locum concedere cultis,
prata lacus rivos segetes vinetaque laeta¹⁴
collibus et campis ut haberent, atque olearum
caerula distinguens inter plaga currere possit
per tumulos et convallis camposque profusa;
ut nunc esse vides

Лукр., V, 1370—1376

В следующих стихах Лукреций вкратце описывает пейзаж современной ему Италии, покрытой садами и виноградниками (1376—1378). Естественное происхождение и распространение плодов на земле для Лукреция пример законченного процесса развития земли вообще. Вергилий, вероятно, имел в виду эти описания Лукреция, но, поскольку его целью являлось возвышение Италии, ему важнее было подчеркнуть, что Лукрециева *sationis et insitionis origo* имела место не в какой-либо другой стране, а именно в Италии. Поэтому он перенес действие в прошлое; таким образом, положение Лукреция, общее для всей земли, было конкретизировано и использовано Вергилием для прославления Италии. Смысл этой конкретизации проявляется дальше.

Второй характерной чертой Италии является вечная весна в стране и связанное с ней плодородие:

Hic ver adsiduum atque alienis mensibus aestas:
bis gravidae pecudes, bis pomis utilis arbos.

II, 149—150

Несколько ниже у Вергилия дан специальный эпизод, посвященный описанию весны, где также говорится о плодородии страны:

Ver adeo frondi nemorum, ver utile silvis;
vere tument terrae et genitalia semina poscunt.

II, 323—324

Чтобы раскрыть смысл слов *hic ver adsiduum*, мы должны обратиться к этому последнему двустишию¹⁵. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что в описании весны совер-

¹³ *Hinc bellator equus... hinc albi... greges, et... taurus...* Слово *taurus* в тексте сильно подчеркнуто, может быть, в связи с тем, что бык считался символом Италии.

¹⁴ Выражение Лукреция *vinetaque laeta* в переделанном виде встречается у Вергилия: *argentaque laeta* (ст. 144). Видимо, избегая повторения, Вергилий заменил *vineta* на *argenta*, но при этом нарушил логику предложения: речь о *fruges, Bacchi Massicus; umor, oleae*, и вдруг неожиданно появляется *argenta*; ср. *Forbiger, Ad Georg.*, II, 144.

¹⁵ *N. Deratani, Virgile et l'âge d'or, «Revue de philologie», т. 57, 1931, стр. 129.*

шенно ясно чувствуется влияние Лукреция, в первую очередь того места из *De rerum natura*, где описывается, как земля (*maternum nomen adepta terra*) породила живую природу¹⁶. Лукреций, доказывая естественное происхождение всего живого, предполагает, что в тот момент на земле была весьма благоприятная для жизни весенняя погода¹⁷. Вергилий, следуя примеру Лукреция¹⁸, с большим вдохновением изобразил весеннюю благодать. В завершение описания картины весны Вергилий, прямо ссылаясь на Лукреция, заявляет:

Non alios prima crescentis origine mundi
inluxisse dies aliumve habuisse tenorem
crediderim: ver illud erat, ver magnus agebat
orbis, et hibernis parcebant flatibus euri

II, 336—339

Из описания весны итальянский читатель мог сделать только тот вывод, что оно относилось к его стране, Италии. В этом отношении прямая ссылка на Лукреция звучит как своеобразное обобщение сельской жизни весной в итальянской деревне. Однако Лукреций писал, что эти благоприятные для жизни условия весны имели место на земле только в определенное время. В дальнейшем положение резко изменилось¹⁹: земля перестала рожать людей, животных и птиц²⁰, появились различные чудовища²¹, сами люди оказались в очень тяжелом положении²². Вергилий, описав весну Италии, считает, что именно таковой была Лукрециева весна на всей земле (*non alios... inluxisse dies... crediderim*). Значит, согласно Вергилию, Италия является исключением из общих закономерностей в развитии земли, установленных Лукрецием. Иначе говоря, итальянская деревня продолжала сохранять доисторические черты, что предполагает сохранение в ней первоначального изобилия.

При сопоставлении описания весны с эпизодом *laudes Italiae*, органическая связь которых вполне ясно чувствуется, выражение *hic ver adsidium* перестает быть простой поэтической гиперболой и приобретает совершенно иное, уже философское значение. В этом случае такой аргумент в пользу Италии является как бы продолжением первого. Если в первом Вергилий подчеркивал, что из Италии произошли садоводство и скотоводство, то сейчас он показывает, почему именно из Италии: если все то, что Лукреций считал принадлежностью рождающей земли — исключительный климат, исключительное плодородие, — сохраняется в Италии и в историческое время почти в неизменном виде, стало быть, во времена рождения живой природы она тем более могла быть *maternum nomen adepta terra*.

Дальше Вергилий говорит об отсутствии в Италии вредных зверей и растений:

At rabidae tigres absunt et saeva leonum
semina, nec miseros fallunt asonita legentes,
nec rapit immensos orbis per humum neque tanto
squameus in spiram tractu se colligit anguis.

II, 151—154

Отсутствие хищников и ядовитых растений в стране — факт сам по себе немаловажный, но если мы посмотрим на него с точки зрения учения Лукреция, то его значение намного возрастет. Дело в том, что в начале V книги (ст. 195—234) Лукреций отрицал божественное сотворение природы. Одним из аргументов Лукреция было большое несовершенство природы²³, которое прежде всего проявляется на примере несовершенного устройства самой земли. Приходящаяся на большое пространство неба площадь земли только в небольшой мере пригодна для жизни человека, поскольку значительная часть суши занята горами и лесами²⁴, покрыта скалами, болотами и морями²⁵. Кроме того, пригодную для жизни человека территорию сокращают большие зоны холода и жары²⁶. Да и остальная земля, там, где могут жить люди, далека от совершенства. Здесь природа сама производит опасные растения на полях (*natura sua vi senti-*

¹⁶ L u c r., *De rerum nat.*, V, 783—820; V, 795—796.

¹⁷ Там же, V, 801—802; 806; 818—819.

¹⁸ F o r b i g e r, *Ad Georg.*, II, 325, 327, 328, 331, 332, 341, 343.

¹⁹ L u c r., *De rerum nat.*, V, 828.

²⁰ Там же, V, 826—827.

²¹ Там же, V, 837 слл.

²² Там же, V, 925 слл.

²³ Там же, V, 199: *tanta stat praedita culpa*.

²⁴ Там же, V, 201—202.

²⁵ Там же, V, 202—203: *tenent rupes vastaeque paludes et mare*.

²⁶ Там же, V, 204—205.

bus obducit), а то, что вырачивает человек,— уничтожает²⁷, она вырачивает страшных зверей (*genus horrifera natura ferrarum... alit atque auget*), распространяет болезни²⁸ и т. д.

Всего этого, как показывает Вергилий, нет в Италии. Значит, она не входит в общую схему Лукреция, и, судя по состоянию страны во времена поэта, в противоположность другим странам, ее можно было бы считать созданной богами. Что же касается скал, болот, морей, о которых говорит Лукреций, то в Италии здесь тоже иная картина. На срубленных скалах здесь стоят города²⁹, море и озера являются прекрасным украшением страны³⁰, а озеро Лукрин стало очень удобным портом³¹.

Следовательно, и этот третий аргумент Вергилия связан с двумя предыдущими, так как он также показывает такие особенности Италии, которые наряду с *ver adsiduum* характеризуют ее современность как неиспорченную предьсторию.

В конце *laudes Italiae* мы видим аргументы, которые являются дополнением к изложенным выше и одновременно указывают на их тесную связь с положениями у Лукреция. Во-первых, Италия была матерью не только полезных растений и прекрасных стад. Она показала людям и металлы:

Haec eadem argenti rivos acrisque metalla
ostendit venis atque auro plurima fluxit.

II, 165—166

В этих строках возможно усмотреть заимствованное из Лукреция описание возникновения металлургии, что обычно подчеркивают и комментаторы Вергилия³². Последний аргумент в пользу божественности Италии — ее люди:

Haec genus acre virum Marsos pubemque Sabellam
adsuetumque malo Ligurem Volcosque verutos
extulit, haec Decios Marios magnosque Camillos,
Scipiadus duros bello et te, maxime Caesar...

II, 167—170

Считают, что эти строки были навеяны Лукрецием³³, который убеждал своего читателя в том, что нет оснований простому смертному бояться и избегать смерти, указывал на великих предков, на поэтов, философов и мыслителей, которые, несмотря на свою знаменитость, умерли или, как Демокрит, даже покончили с собой. Однако созвучность Вергилия с Лукрецием здесь только стилистическая, так как Вергилий использовал этот литературный прием совсем в противоположных целях. Поэтом имеетя и большая разница в звучании этих стихов у обоих авторов. Хотя эти строки Лукреция и написаны с целью ободрить людей не бояться смерти, на самом деле они, как это часто бывает у Лукреция, звучат сурово, словно панихида. Стихи Вергилия — восторженные и радостные, ибо он поет о рождении великих героев прошлого. В центре этого пассажа Вергилия стоит слово *extulit*³⁴, которое возвращает нас к эпизоду Лукреция о рождающей земле³⁵, использованному Вергилием, как мы видели, в описании итальянской весны³⁶. Этот эпизод Лукреция отличается по форме, но по духу близок стиху Вергилия, в силу чего строки Вергилия можно назвать итальянской конкретизацией теории Лукреция.

Здесь завершается цикл примеров, раскрывающих характерные черты восхваляемой страны. Эпизод заканчивается риторическим обращением поэта к Италии, где резюмируется все вышесказанное:

Salve, magna parens frugum, Saturnia tellus,
magna virum.

II, 173—174

²⁷ Lucr., *De rerum nat.*, V, 206—207; 243—247.

²⁸ Там же, V, 218—220.

²⁹ Vergil., *Georg.*, II, 156: *congesta manu praeurptis oppida saxis*.

³⁰ Там же, II, 158—160; ср. Richter, *Ad Georg.*, II, 158: Verg. setzt den Ruhm von Meeren und Seen dem pessimistischen Raisonnement des Lukrez (5, 202 сл.) entgegen.

³¹ Vergil., II, 164—164.

³² Lucr., *De rerum nat.*, V, 1252—1267; 1255 сл.; ср. Forbiger, *Ad Georg.*, II, 165; Benoist, *Ad Georg.*, II, 165; Richter, *Ad Georg.*, II, 165.

³³ Ср. Forbiger, *Ad Georg.*, II, 170; Richter, *Ad Georg.*, II, 169 слл.

³⁴ Ср. Lucr., *De rerum nat.*, V, 170 слл.: *sic nova tum tellus herbas virgultaque primum sustulit, inde loci mortalia saecula creavit multa modis multis varia ratione coorta*.

³⁵ Там же, V, 783—820.

³⁶ Это еще раз подтверждает связь *laudes Italiae* с описанием весны.

Так еще раз, и уже совершенно ясно, подчеркивается, что Италия является страной, откуда произошли плоды земли (*magna parens frugum*), что в ней царствовал Сатурн (*Saturnia tellus*), а также, что она родила величайших мужей (*magna virum*).

Таким образом, вследствие изложенного выше можно считать, что в основу *laudes Italiae* Вергилий положил учение Лукреция о рождающей земле, заменив его примеры италийским материалом. Вергилий использовал также философскую аргументацию Лукреция, чтобы ввести легенду о царствовании Сатурна в Италию. В результате этого не только была обновлена теория Лукреция, но и сам миф, получив рационалистическое истолкование на основе эпикурейской философии, превратился в теорию³⁷.

Но теория о Сатурновой стране не была бы еще вполне аргументированной, если не коснуться жизни людей, которых в *laudes Italiae* Вергилий лишь упомянул. Этому вопросу Вергилий посвятил весь заключительный эпизод II книги «Георгик», так называемый *μαχαρισμός* земледельцев. Если в *laudes Italiae* Вергилий доказывал, что Италия с древнейших времен сохраняет исключительно благоприятные условия, то теперь он доказывает, что деревня — лучшее место в этой стране, так как она сохранила наиболее древние³⁸ формы жизни:

*Ilic saltus ac lustra ferarum
et patiens operum exiguoque adsueta inventus,
sacra deum sanctique patres; extrema per illos
Iustitia excedens terris vestigia fecit.*

Georg., II, 471—474

Чтобы понять весь смысл доказательств Вергилия, мы опять должны прибегнуть к помощи Лукреция, с которым в этом эпизоде наш поэт ведет совершенно откровенный разговор³⁹. Известные строки *felix... fortunatus*⁴⁰ открывают нам начало этого разговора, а именно: мы видим, что речь идет о высочайшем счастье человека, которое эпикурейцы видели в полном спокойствии духа (*ἀταραξία*).

Вся поэма Лукреция по сути дела преследует цель внушить спокойствие человеку, победить его страх перед смертью, так как основным источником этого страха, согласно Лукрецию, является незнание людьми закономерностей природы, порожда-

³⁷ Такое толкование *laudes Italiae*, нам кажется, подтверждается описанием Италии у Дионисия Галикарнасского. Дионисий прибыл в Рим приблизительно в то время, когда Вергилий закончил свои «Георгики», а когда он начал писать свой труд о римских древностях, поэма Вергилия была еще новинкой. Естественно, что Дионисий не мог избежать влияния Вергилия. Геффкен («Hermes», т. 27, 1892, стр. 386) утверждает, что описание Италии Дионисия Галикарнасского находится в зависимости от Варрона. Такое утверждение не лишено основания, так как Дионисий, как и Варрон, основное внимание уделяет сельскому хозяйству Италии, плодородию ее почв, мягкости климата. Однако у Варрона в описании Италии не упоминается миф о Сатурне, в то время как Дионисий как раз с этого начинает, причем он объясняет эту легенду почти дословно так, как ее обработал Вергилий: «Ἔστι δὲ τις καὶ ἕτερος λόγος ὑπὸ τῶν ἐπιχωρίων μυθολογούμενος, ὡς πρὸ τῆς Διὸς ἀρχῆς ὁ Κρόνος ἐν τῇ γῇ ταύτῃ δυναστεύσει, καὶ ὁ λεγόμενος ἐπ' ἐκείνου βίος ἀπασὶ δαφνιῆς ὄψεσιν ὡραὶ φέουσιν οὐ παρ' ἄλλοις μᾶλλον ἢ παρὰ σφίσι γένοιτο. Καὶ εἰ τις ἄλλως ἀφελὼν τὸ μυθώδες τοῦ λόγου χώραν ἀρετὴν ἐξέταξεν ἐθελήσειεν, ἐξ ἧς γένοιντο τὸ ἀνθρώπων πλείστα εὐφροσύνας ἐκαρπώσατο γένόμενον εὐθὺς εἶπ' ἐκ γῆς, ὡς ὁ παλαιὸς ἔχει τὸς λόγος, εἶπ' ἄλλως πως, οὐκ ἂν εὐροὶ ταύτης τιν' ἐπιτηδείωτερον (I, 36, 1—2).

Дальше идет конкретное описание этих *πλείστα εὐφροσύνας*, которое строится в основном по Варрону. Объяснив, почему Италию называют землей Сатурна, Дионисий заканчивает: Οὐδὲν δὲ θαυμαστὸν ἦν τοὺς παλαιούς ἱεράν ὑπολαβεῖν τοῦ Κρόνου τὴν χώραν ταύτην (I, 38, 1).

³⁸ В *laudes Italiae* Вергилий, характеризуя жителей Италии, обращал внимание только на их воинскую доблесть, но, по его мнению, мирная жизнь является более древней; ср. *Georg.*, II, 539—540.

³⁹ *Georg.*, II, 475—494. Иногда исследователи Вергилия рассматривают эти строки как принципиальный диспут Вергилия с Лукрецием. Нам кажется, ничего такого здесь нет. Согласно Лукрецию, основное условие для атаксии — это уверенность человека в будущем, возникающая на основе знания законов природы. Следствием этой уверенности является его мирная, хотя и скромная жизнь. Вергилий тоже считает очень важным философское образование (II, 475—482). Однако он подчеркивает, что скромная, в данном случае деревенская, жизнь сама по себе может сделать человека счастливым (II, 483—489), т. е. он не ставит ее в зависимость от основного философского условия, как это получается у Лукреция, а, наоборот, рассматривает ее как самоудовлетворяющий фактор (II, 490—494).

⁴⁰ Там же, II, 490—494.

ющее веру в богов, в посмертное наказание и другие религиозные предрассудки, которые как раз и опровергает поэт объяснением природы вещей. Но в его поэме мы находим и такие места, где говорится специально об атараксии. Ими-то в первую очередь и пользовался Вергилий.

В начале II книги Лукреций описывает блаженное душевное состояние мудреца, когда тот с высоты своей научной святости смотрит на блуждающих вокруг, соревнующихся между собой людей, и восклицает:

O miseras hominum mentes, o pectora caeca!
qualibus in tenebris vitae quantisque periclis,
degitur hoc aevi quod cumquest!

Lucr., II, 14—16

К своему несчастью, люди не знают, что человеку по природе ничего не нужно, разве только не чувствовать боли, пользоваться рассудком, приятным чувством беззаботности и безбязненности (*Lucr., De rerum nat., II, 16—19*). А для этого нет необходимости владеть пышными дворцами (там же, II, 24—28), носить драгоценную одежду (там же, II, 34—36), не нужно ни богатства, ни знатности, ни царской славы (там же, II, 37—38). Достаточно, имея небольшой достаток, быть на лоне природы, близ реки, под тенью ветвистого дерева приятно отдыхать, тем более, если этому благоприятствует время года⁴¹.

Если мы посмотрим с этой точки зрения на поэму Вергилия, то увидим, что его несведущие⁴² крестьяне, имеющие все, что требуется для счастья человека, остаются несчастными, как люди у Лукреция, пока они не знают своих благ. Наоборот, зная о них, они могут быть не меньше счастливы, чем гордый философ-эпикурец:

O fortunatos nimium, sua si bona norint,
agricolas! quibus ipsa, procul discordibus armis,
fundit humo facilem victum iustissima tellus.

Georg., II, 458—460

Дальше эта мысль поясняется на конкретных примерах, причем в стиле, очень близком к Лукрецию⁴³. Последние цитированные выше строки из этого *κῶλον* (*Lucr., II, 458—474*) являются нововведением Вергилия, так как здесь он дает собственное нравов учение⁴⁴.

Обращает внимание подчеркнутое выделение Вергилием якобы сохранившегося в деревне правосудия⁴⁵. В городе же отмечено нечто противоположное — раздор. В начале дигрессии это проявляется в словах *discordia arma*, но затем, после того как Вергилий заканчивает свой разговор с Лукрецием, городское разногласие противопоставляется моральной устойчивости крестьянина⁴⁶. Несколько ниже⁴⁷ эта картина дана в развернутом виде⁴⁸.

Несомненно, что мрачная картина городского раздора является значительно более правильным отражением современной Вергилию действительности, чем явно прикрашенная деревенская идиллия, однако и по ней восстановить конкретные исторические события очень трудно, хотя комментаторы Вергилия нередко пытаются это сделать⁴⁹. Если в *discordia arma* мы можем видеть отрицательное отношение Вергилия к гражданской войне, то непонятно, на каком основании поэт представляет деревню как царство справедливости. Казалось бы, наоборот, собственная судьба Вергилия свидетельствовала об обратном. Вряд ли также, что некоторый подъем сельского хозяйства в начале правления Октавиана мог получить уже в «Георгиках» столь розовое освещение, тем более, что этот подъем был достигнут за счет укрепления хозяйств ветеранов, от предоставления земель которым пострадало и хозяйство самого Вергилия. По-видимому, такое описание деревни имело иные причины. Обратимся опять к Лукрецию. Лукреций в начале III книги, развивая дальше мысли об атараксии,

⁴¹ *Lucr., De rerum nat., II, 29—33*; ср. *Hesiod., Ἐργα*, 592—595.

⁴² Ср. *Vergil., Georg., I, 41*.

⁴³ Ср. *Georg., II, 461—471*; *Lucr., II, 24—36*.

⁴⁴ *Vergil., II, 473: sacra deum sanctique patres*.

⁴⁵ Там же, II, 460: *iustissima tellus*; II, 466: *nescia fallere vita*; II, 474: *Justitia excedens terris vestigia fecit*.

⁴⁶ Там же, II, 495—502; 496: *discordia*.

⁴⁷ Там же, II, 503—512; 503—4: *ruunt in ferrum*; 510: *perfusi sanguine fratrum*.

⁴⁸ О композиционной роли противопоставления правосудия и раздоров см. *F. Klingner, Über das Lob des Landlebens in Virgils Georgica*, «Hermes», т. 66, 1931, стр. 162 сл.

⁴⁹ *Forbiger, Ad Georg., II, 496*; *Richter, Ad Georg., II, 496 сл.*; *Benois, Ad Georg., II, 507*.

начатые во второй книге⁵⁰, приводит такие же мрачные картины городского раздора, какие мы находим у Вергилия⁵¹. Лукреций показывает, как люди, далекие от философских знаний, избегая опасности смерти (III, 65—69), стараются разбогатеть (III, 63; 70—71) и поэтому становятся жадными, стремятся к почетным должностям, нарушая при этом законы (III, 59—61), развязывают гражданские войны (III, 70), идут на братоубийство (III, 72—73). Точно так же и Вергилий пишет, как одни люди в погоне за богатством (Georg., II, 506—507) пускаются в опасные морские путешествия, хватаются за оружие, грабят царские дворцы (II, 503—504), другие разрушают свои собственные города (II, 505) или толкуются на форуме, в театре (II, 508—510), пока все не заканчивается братоубийственной войной (II, 510) и бегством из страны (II, 511—512). В некоторых из этих описаний Вергилий использовал конкретные исторические факты, например II, 497, что создает впечатление, будто Вергилий вообще изображает современную ему действительность.

Что касается деревни, развернутые образы которой даны во II книге, 513—531, то здесь нет никакой конкретизации. По-видимому, Вергилий, не найдя действительных примеров благоденствия в современной ему деревне, охваченной не менее острой классовой борьбой, чем город, спокойно заимствует их из литературной традиции. Большую роль здесь наряду с Лукрецием сыграл Гесиод, влияния которого в описании идиллических картин, вероятно, не избежал и сам Лукреций. Так, сцены повседневной жизни крестьян (II, 513—526) Вергилий изобразил в основном по примеру «Трудов и дней» Гесиода⁵². Дни отдыха описаны, наоборот, ближе к Лукрецию. Вергилий, в частности, использовал для этого сцену отдыха, которая имеется в описании естественного происхождения искусств в V книге поэмы «О природе вещей»⁵³. Отсюда выясняется, во-первых, что в *идеализме* Вергилий не столько стремился к правильному изображению жизни, сколько к философскому обоснованию деревенского благополучия, которое он воспевает. Соответственно и в противопоставлении *discordia agna* и *iustissima tellus*⁵⁴ возможно усматривать прежде всего философский смысл, в котором резюмируется эпикурейское учение об атараксии.

Во-вторых, выделение в деревне в первую очередь справедливости, так же как и сами образы деревенской жизни, заимствованные из гесиодовского царства справедливости, должны были иметь особый философский смысл, тем более что присущая деревне справедливость является нововведением Вергилия в эпикурейскую теорию об атараксии. Этот особый введенный Вергилием смысл проясняется тогда, когда мы обращаемся к исторической части учения Лукреция⁵⁵. Согласно Лукрецию, стремление людей к богатству возникло на сравнительно позднем этапе развития человечества. Сначала распределение богатства совершалось царями соответственно личному достоинству каждого человека (V, 1110—1113). Только значительно позднее, когда было найдено золото (V, 1113), люди пожелаали обеспечить себе зажиточную жизнь (V, 1120—1122). С тех пор начались соперничество и зависть среди людей⁵⁶, авторитет царей был разрушен (V, 1136—1139), начались беспорядки (V, 1141—1142). Было решено учредить магистратуры, установить законы (V, 1143—1144), чтобы не страдать от насилия и распри:

Nam genus humanum, defessum vi colere aevom,
ex inimicitiiis languebat; quo magis ipsum
sponte sua cecidit sub leges artaque iura.

V, 1145—1147

⁵⁰ Lucret., De rerum nat., III, 34—93. То, что здесь мы имеем продолжение мыслей из II книги (1—61), показывает употребление того самого сравнения в конце рассуждения; ср. II, 55—61 и III, 87—93.

⁵¹ Vergil., Georg., II, 495; 503—512; Lucret., De rerum nat., III, 59—73; 995—997.

⁵² Hesiod., "Eργα, 230—237. Некоторые образы совпадают с описанием Лукреция, на что обычно указывают комментаторы Вергилия; ср. Georg., II, 523—526; Lucret., De rerum nat., I, 257—261; III, 894—896.

⁵³ Lucret., De rerum nat., V, 1392—1404. У Лукреция эта сцена также имеет связь с изложением его теории об атараксии. См. строки V, 1392—1396, которые с небольшим изменением повторяют II, 29—36.

⁵⁴ Самое выражение *iustissima tellus* древние старались объяснить, исходя из свойств земли. Сервий (Ad Georg., II, 460) писал: *si iustus est qui quod acceperit, reddit, terra utique iustissima est, quae majore faenore semina accepta restituit*. Этого объяснения придерживаются и Клиггер, ук. соч., стр. 162. Исходя из изложенного выше философского содержания дигрессии, мы считаем, что здесь имеет место привычное в античной поэтике перенесение эпитета (*ὑπάλλαξι*) с *victus* на *terra*, примененное по соображениям метра.

⁵⁵ Lucret., De rerum nat., V, 925—1455; V, 1105—1160.

⁵⁶ Там же, V, 1123—1126; 1131—1132.

Хотя суровые законы не устранили вовсе пороков общественной жизни, погони за деньгами, но они породили в человеке боязнь быть наказанным, что в какой-то мере обуздало насильников и преступников (V, 1151—1155).

Посмотрим на крестьянина у Вергилия:

....neque ille
aut doluit miserans inopem aut invidit habenti.
Quos rami fructus, quos ipsa volentia rura
sponte tulere sua, carpsit; nec ferrea iura
insanumque forum aut populi tabularia vidit.

Georg., II, 498—502

Оказывается, он не прошел еще всей этой мучительной стадии общественного развития. Он не питал ни к кому зависти, которая, согласно Лукрецию, привела к большому беспорядку в обществе, а следовательно, ему не нужны были и те суровые законы (*artaque iura, ferrea iura*), к которым вынуждены были прибегнуть жители города. Он довольствуется теми скромными дарами, которые ему дают поля и деревья, точно так же как тот первобытный человек у Лукреция, который еще не претерпел никаких общественных преобразований:

Quod sol atque imbres dederant, quod terra crearat
sponte sua, satis id placabat pectora donum.
Glandiferas inter curabant corpora quercus
plerumque ...

Lucr., V, 937—940

Стало быть, по природе своей крестьянин у Вергилия, так же как и первобытный человек, еще полон справедливости, в то время как остальной мир в корне испорчен и справедливость его уже давно покинула. Вот почему Вергилий подчеркивал, что в италийской деревне богиня Справедливость оставила свои следы.

Таким образом, как в *laudes Italiae*, так и здесь Вергилий при помощи обращения к Лукрецию уводит читателя в глубь веков, в пред историю страны. После этого нас не должно удивлять, что в конце дигрессии, где резюмируется все сказанное поэтом, Вергилий прямо говорит, что италийская деревня является непосредственной преемницей сказочной жизни сабинов, древних римлян и этрусков:

Hanc olim veteres vitam coluere Sabini,
hanc Remus et frater, sic fortis Etruria crevit
scilicet et rerum facta est pulcherrima Roma ...

Georg., II, 532—534

Оставалось только ввести легенду о царствовании Сатурна на земле, и Вергилий это сделал:

Aureus hanc vitam in terris Saturnus agebat.

Georg., II, 538

В последних строках еще раз звучит мысль о *discordia arma* (II, 539—540), которая еще более подчеркивает аргументацию Вергилия в пользу деревни, показывая, уже на фоне легенды о веке Сатурна, что мир, а не война является первоначальным состоянием Италии. По новой обработке легенды, Сатурнов век не выглядел такой уж нереальной вещью, потому что его отличают простая деревенская жизнь со своими старыми нравами, справедливость и мир⁵⁷. А поскольку страна и люди те же, нет только признаков, характерных для золотого века, которые сами по себе также очень реальны. При всеобщем желании, а главное, при активном содействии Октавиана (на которого еще в IV буколке Вергилий возлагал большие надежды), вполне возможно восстановить счастливое прошлое, возродить царство Сатурна. В конце первой книги, где приводится не менее мрачная картина гражданского раздора, чем в *μαχαρισμος* (ср. I, 505—514), имеется и прямое обращение к Октавиану:

Di patrii, indigetes et Romule Vestaque mater,
quae Tuscum Tiberim et Romana Palatia servas,

⁵⁷ В I книге «Георгики» (129—132) в изображении золотого века дано больше сказочных моментов. Но и здесь век Сатурна отличает всеобщее социальное равенство и мир:

Ne signare quidem aut partiri limite campum
fas erat: in medium quaerebant, ipsaque tellus
omnia liberius nullo poscente ferebat.

hunc saltem everso iuvenem succurrere saeclo
ne prohibete!

Georg., I, 498—501

На легенде о золотом веке Сатурна держится весь идейный смысл «Энеиды», особенно той ее части, где действие происходит в Италии. Здесь Вергилий имел возможность представить конкретные историко-мифологические иллюстрации к тому пониманию мифа, которое было дано в «Георгиках». Миф о Сатурне был внесен в легендарную историю Рима посредством рассказа Эвандра Энею о древнейших временах Лация⁵⁸. В этом рассказе объединяется теория Лукреция⁵⁹ с легендой о Сатурне⁶⁰. В этой последней редакции легенды сказочного уже ничего не оставлено, хотя жанр поэмы давал для этого большие возможности. Вергилий нашел нужным подчеркнуть только то, что Сатурн дал безграмотным до того жителям Лация законы и царствовал, установив мир между народами.

Конечно, в исторической поэме не было места для сухих теоретических рассуждений. Но зато в образной характеристике древних жителей Италии мы опять чувствуем мораль Вергилия. Его интересуют здесь прежде всего примеры морального поведения предков, на которых раскрылась бы полностью та краткая характеристика, которая была дана потомкам Сатурна уже в строках «Георгик»⁶¹. Сам Эвандр отличается скромным, честным и богобоязненным образом жизни. Но он чужеземец, хотя и освоившийся уже с бытом местных жителей. Поэтому он используется в первую очередь для общего рассказа, для ознакомления с местами, которые связаны с царствованием Сатурна, так сказать, с местными *sacra deum*⁶². Наоборот, Латин, старейший царь местных племен, с которым Эней столкнулся сразу по прибытии в Италию, сам является потомком Сатурна⁶³, т. е. в его лице миф превращается в историю. Понятно, что его жизнь должна характеризоваться соответственно мифу. И правда, у него в большом почете *sacra deum*⁶⁴, *sancti patres*⁶⁵, его окружает молодежь, можно сказать, *patiens operum exiguoque adsueta*⁶⁶, его государство процветает в мире и согласии⁶⁷. Что касается других представителей Италии, не связанных непосредственным родством с Сатурном, то они тоже характеризуются аналогично, за исключением представителя Этрурии Мезентия, который везде сопровождается эпитетом *contemptor divom*.

Население Италии, примитивные земледельцы⁶⁸ — исконно мирный народ, в силу чего сама богиня Юнона с помощью фурии Аллекто с трудом смогла поднять их на войну. И тогда, когда война стала неизбежной, царь Латин отказывается принимать в ней участие. Поэтому Дюмед, знаменитый участник похода в Троию, позже вынужденный бежать из Аргоса в Италию, был очень удивлен, когда к нему обратились послы Латина с просьбой помочь их царю в войне против троянцев:

O fortunatae gentes, Saturnia regna,
antiqui Ausonii, quae vos fortuna quietos
sollicitat suadetque ignota lacescere bella?

Aen., XI, 252—254

Все это, как видим, вполне соответствует характеристике населения Италии, данной в «Георгиках»⁶⁹ на основе легенды о деревенской жизни Сатурна.

С другой стороны, такая характеристика предков имела большую политическую актуальность, так как Август приступил к оздоровлению разрушенного века⁷⁰, т. е. повел борьбу за восстановление старины на базе всеобщего мира, хотя основные законы, преследующие оздоровление государства — *de sumptu, de vi, de maiestate, de adulteriiis, de maritandis ordinibus, de ambitu*, — были приняты уже после смерти Вергилия.

⁵⁸ Vergil., *Aen.*, VIII, 314—332.

⁵⁹ Там же, VIII, 315—318; 326—327.

⁶⁰ Там же, VIII, 319—325.

⁶¹ Vergil., *Georg.*, II, 472—474.

⁶² Vergil., *Aen.*, VIII, 337—358; 268—272.

⁶³ Там же, VII, 47—49; 180.

⁶⁴ Там же, VII, 62; 175; 192.

⁶⁵ Там же, VII, 177—191; 172.

⁶⁶ Там же, VII, 162—165.

⁶⁷ Там же, VII, 45—46.

⁶⁸ Там же, VII, 504; 521.

⁶⁹ Ср. *Georg.*, II, 459—460; 539—540.

⁷⁰ Ср. *Georg.*, I, 498—501.

Однако мы видели, что Август проводил очень сложную политическую линию, стараясь учесть интересы разных слоев населения Италии. Особенно много внимания он уделял интересам и настроениям аристократической знати, откуда исходила наиболее сильная оппозиция его власти. В свою очередь Вергилий, как поэт, отражал в своем творчестве различные настроения Италии. Эта разносторонность его интересов еще усилилась самым характером поэмы как произведения «национального» эпоса. Изучение всех этих проблем требует специального исследования. Поэтому мы здесь коснемся только одного вопроса, непосредственно связанного с легендой о царствовании Сатурна.

Еще в *laudes Italiae* Вергилий называл свою страну *magna parens virum*, подчеркивая при этом в первую очередь воинскую доблесть мужей, хотя весь этот гимн Италии строится на восхвалении ее, как сельской страны. Восхваление прежней воинской доблести Рима было со стороны Вергилия данью традиционной историографии, уважением к прежним заслугам республиканской аристократии, а главное, к Октавиану, личные военные успехи которого отмечались неоднократно и в «Энеиде», и в «Георгиках»⁷¹.

В «Энеиде» военным подвигам великих предков Рима уделяется особенно много внимания. Мы имеем в виду не описания военных действий во второй половине поэмы, составляющие сюжет этой части произведения, а те места, где Вергилий делал экскурсы в сторону своей современности, т. е. где ему невозможно было миновать традицию. Так, в пророчестве Анхиза (*Aen.*, VI, 756—886), в описании цита (*VII*, 626—728), где в основном излагается вся история Рима, больше всего говорится о войнах и триумфах римлян. Вследствие этого характеристика одного и того же народа получается противоречивой: то ли для него характерна мирная жизнь, то ли воинская доблесть. Чтобы это последнее не показалось привнесенным извне, не свойственным народу Сатурна качеством, пришедшим в Италию вместе с троянцами, от которых, как считалось, вели свой род Юлии, Вергилий наделяет рубцами, полученными в битвах за родину, древнейших италийских царей, вплоть до Сатурна (*Aen.*, VII, 182). Даже у миролюбивого Латина на дверях висят военные трофеи (*Aen.*, VII, 183—186). Следовательно, там, где Вергилий, отдавая долг традиционному пониманию римской истории, вступал в противоречие со своей теорией, там призывал он на помощь мифологию.

В связи с этим, когда миф о царствовании Сатурна был объединен с деятельностью Августа, власть которого получила в «Энеиде» свое обоснование, т. е. когда теория пошла на службу принципату, она претерпела некоторые изменения. Если в IV эклоге возвращение царства Сатурна предпочитало отмирание войн, если в «Георгиках» войны из века Сатурна вообще исключались, то в «Энеиде» обновленный Сатурн уже неотделим от военной славы. Эта новая трактовка старой легенды была дана в пророчестве Анхиза, где впервые Октавиан назван воскресителем золотого века:

*Hic vir, hic est, tibi quem promitti saepius audis,
Augustus Caesar, divi genus, aurea condet
saecula qui rursus Latio regnata per arva
Saturno quondam, super Garamantas et Indos
proferet imperium ...*

Aen., VI, 791—795

Так, легенда о царстве Сатурна, выражавшая в IV эклоге недовольство Вергилия современностью, в «Георгиках» превратилась в философскую теорию об Италии, а в «Энеиде» стала политической теорией принципата. Вергилий в свою очередь нашел возможность, не отказываясь от легенды, восхвалять в деятельности Октавиана совсем противоположные вещи — мир и войну, приравнивая его *Pax Augusta* к царствованию Сатурна в Италии и в то же самое время не лишая священной славы его военные действия, даже если они имели место на полях гражданских битв.

В заключение остается прибавить, что Август охотно давал возможность прославлять свой патриотизм, стараясь противопоставить себя своим политическим противникам, главным образом Антонию, поведение которого осуждали все приверженцы старины и исконных римских обычаев. Благодаря этому ему удалось сколотить партию своих сторонников, так как значительная часть сенаторов никогда не отказывалась от возможности перейти на сторону таких «врагов отечества», как Секст Помпей или тот же Антоний. Поэтому Августу весьма импонировало всяческое восхваление Италии как священной страны. Разработанная поэтами теория о *Saturnia tellus* была созвучна его внутренней социальной политике, и в значительной мере она поддерживала эту политику Августа.

Особенно широкий размах получило прославление Италии, ее обычаев и древних форм жизни после возвращения Августа в 19 г. с востока. Тогда были изданы основные законы Августа. В 17 году были проведены *ludi saeculares*, которые явились не только

⁷¹ Vergil., *Georg.*, II, 170—172; III, 26—33, 46; IV, 559—561.

торжеством древнеиталийских религиозных обрядов, но также обозначали открытие новой эры на древней земле Сатурна. Гораций написал для этих празднеств гимн, в котором была изложена сущность идеологии Августа. Здесь мы находим и строки, посвященные богине Земли, в которых ясно слышна основная мысль о земле — Италии, высказанная Вергилием в *laudes Italiae*:

Fertilis frugum pecorisque Tellus
spicea donet Cererem corona,
nutriant fetus et aquae salubres
et Iovis aurae.

Hor., C. saec., 29—32

Еще более яркое отражение разработанный Вергилием образ рождающей земли нашел на «Алтаре Мира» (*Ara Pacis*). Этот монумент был сооружен в 13—9 г. до н. э. по случаю благополучного возвращения Августа из западных провинций. Он был построен и оформлен так, чтобы орнаменты и барельефы показывали благоденствие Италии и величие Рима, достигнутые благодаря Августу, потомку Энея, изображение которого было помещено на главном месте. Здесь, среди богов—покровителей Италии, мы находим барельеф богини Земли. Она представлена в виде кормящей женщины с двумя младенцами на руках. Сидит она на фоне италийского пейзажа. У ее ног — вол и ягненок, на коленях — виноградная гроздь. С обеих ее сторон — фигуры, символизирующие воздух и море. Никогда до этого богиня Земли так не изображалась⁷². Теперь такое ее изображение воспроизводит характеристику сатурновой земли Вергилия и Горация. Таким образом, латинизированный миф о Сатурне, возвышенный Вергилием до философского обобщения, стал, как мы видим, составной частью официальной идеологии Августа.

Г. К. Забулис